

Александр Доставалов

СОН, ОТ КОТОРОГО НЕ ПРОСЫПАЮТСЯ

(отрывки из романа)

ГЛАВА 1

— Переворачивай! Давай, давай, двигай. Шевели эту падаль.

Четверо в черных комбинезонах разгружали машину. Тела людей, сваленные в кучу, бесцеремонно, подчеркнuto небрежно сбрасывались вниз. Более всего это походило на мясокомбинат, на хладобойню – так работают с тушами мясного скота.

Тела были в основном мужские, молодых парней, в спортивной и полуспортивной одежде, но попадались и девушки. Этих брали иначе – так же грубо, но только под грудь. Так, чтобы, сбрасывая тело, ощупать. Когда-то это было, видимо, циничной шуткой. Затем превратилось в способ разгрузки, привычные движения мясников никого не возбуждали.

– Этот скоро сдохнет, – белобрысый, с тусклыми глазами грузчик вытер испачканную в крови руку о комбинезон. – Поменяй ему бирку.

Стоявший внизу амбал перецепил номерки. Новый был ярко-желтого цвета. Затем он снял с тела часы и уложил их в картонную коробку.

Уже под конец, предпоследней, сбрасывали полураздетую, смуглую женщину. Зеленый халат с драконами почти не прикрывал тела. Бюстгальтера не было. Белобрысый осклабился и раскрыл на плечах халат. Провел рукой по груди, изучая. Кровь на его пальцах уже подсохла.

Перемигнувшись, ее отложили в сторону. В это время, застонав, зашевелился один из парней. Амбал подцепил его ногой, переворачивая. Белобрысый спрыгнул с машины вниз, присел на корточки, приподнял парню веко. Мутная белизна закатившихся глаз и новое, почти судорожное движение.

– Стяни ему руки. Только не так, как в прошлый раз. Чтобы потом без ампутаций.

Амбал кивнул и вытащил из кармана белый капроновый шнур.

* * *

Серый потолок. Что-то тихо, очень тихо скребется. Шуршит. Руки как будто обрубил начисто – нет рук. Голова болит. Ох, как голова болит – глазами ворочать больно. Во рту спекшаяся погань. Что-то случилось. Это больница. Это больница, точно. У него амнезия. Провалы в памяти. Потому и голова болит. Хотя... Стоп. Руки-то связаны. Точно. Руки связаны за спиной. Господи, хоть бы не психушка. На смирительную рубашку не похоже. Та же куртка, что и в горах. Даже не переодели. Сорвался он, что ли? Чушь, сегодня вообще подъема не было. Не ходили сегодня в гору. Ночью снег пошел. Да и зачем руки связывать? М-м-м... Больно как, сволочь...

Женька с трудом перевернулся, встал на колени и начал осматриваться, разминая затекшие кисти рук. Перед глазами расплывались цветные пятна, к горлу подкатила тошнота, он еле успел

наклониться, как его дважды подряд вырвало, вывернуло наизнанку. Стало чуть-чуть легче. Вот только ногу испачкал.

Перебирая плечами по стене, он отодвинулся, отполз в сторону.

Господи, куда это он попал? В углу топчан, больше похожий на нары. Раковина и унитаз. Все чисто, если не считать блевотины на полу. Запах казенного помещения, какой-то дезинфекции. Окон нет. Металлическая дверь с глазком. Высокий серый потолок. Стены окрашены масляной краской. Тюрьма, что ли? Больше всего это походило на камеру. Во всяком случае, по представлениям Женьки, камера в тюрьме должна быть примерно такой же.

Развязаться. Подбравшись вплотную к топчану, Женька зацепил за его угол веревку и дернулся, пытаясь ее ослабить. Затем еще раз, и еще. Что-то вроде бы получалось; он почувствовал боль в кистях там, где веревка надорвала кожу. Теперь надо восстановить кровообращение и попробовать дотянуться до узла. Женька изо всех сил изогнул за спиной руки, но у него ничего не вышло.

Какое-то время он просто лежал, отдыхая. Остаться связанным очень не хотелось. Со всем остальным можно было разобраться позже.

Он еще раз, более удачно, зацепил за угол веревку и, наконец, дотянулся большим пальцем до узла. Что-то там удалось подцепить. Еще раз... Еще... Растягивается. Еще немножко...

Слишком больно. Ладно. Времени у него предостаточно. Соображалось медленно. В голове стоял мягкий, обволакивающий туман. Хотелось спать. Женька проделал несколько упражнений с дыханием. Несколько раз, рывками, встряхнулся – напряг и расслабил тело. Голова стала болеть сильнее, но сонливость исчезла. Узел никак не поддавался. А, черт, ноготь...

Куда же он попал? И как он сюда попал? Такое было один раз, на Памире, когда он с восьми метров шарахнулся об камень головой. Хорошо, что вскользь, и поднимались они в специальных касках, но очухался он тогда только в больнице. На больницу все это никак не похоже. И веревочка на руках... тугая... Еще ра-аз... Нет. Отдыхай пока, Женя. Отдыхай. На гору они сегодня не ходили. Или вчера? Не важно. Снег шел, в такую погоду нельзя работать даже обычный склон. Из лагеря никто не выходил. Так. Спокойно. Сосредоточиться. На гору они не собирались. Действительно не собирались. Последнее, что он помнил, это лагерь. Вечер. Палатка, свежая салфетка на столе, открытая банка сардин, вино, огурцы и сухой хлеб из поселка. Юлька с чайником, Марта в зеленом халате... Праздновали день рождения. Кто-то тогда вошел, свечи заморгали... Да, точно. Незнакомые ребята в кожаных куртках... Юлька еще сказала что-то смешное... Что-то про Терминатора... Теплее. А потом Юлька упала. Он кинулся ее подхватить, но не успел – все зашаталось, рука зацепилась за стол и... И все. Вот на этом все. Понятно. Терминаторы.

В углу, под потолком, какие-то приборы. Вентиляция? Не похоже. Во всяком случае, не только вентиляция. Черный стеклянный глазок. Еще что-то. Микрофон? Или видеокамера? Если это видеокамера, то здесь и в сортире в объектив попадешь. Прелестно. Жизнь под микроскопом. Очень интересные кадры могут получиться. Женька на толчке. А я им на пол навалю. Если это дурдом, то мне теперь все можно. Голова кружится. Во рту погань. Сейчас бы зубы почистить, да кофейку...

Узел, наконец, поддался. Ноготь, правда, раскровил. Еще разок... Отлично. Женька скинул осточертевшую веревку и начал разминать руки. Интересно. Очень интересно. Он пошарил в кармане куртки и вытянул таблетку американского аспирина. Разжевал. Вода текла плохо и была очень холодной. Зато без ржавчины. Он запил таблетку и кое-как умылся. Почистил джинсы. Надо бы постучать в дверь да все выяснить, но этого почему-то делать не хотелось. Успеется. Это еще успеется. Так, ножа в карманах нет. И часов нет. Странно. Хотя... Не более странно, чем связанные руки. Вообще ничего в карманах нет. Только несколько семечек и две монетки. Женька снова полез в потайной карман на рукаве куртки. Аспирин... Ключи от мотоцикла, ключи от квартиры и маленькая, плоская коробочка спичек. Еще иголка за воротником. Все это барахло он спрятал за трубу под раковиной. Затем еще раз размял руки и, мягко ступая, подошел к двери.

* * *

Трубку снял совершенно седой офицер с помятым, но свежесбрившимся лицом. Холеные пальцы играли авторучкой, из четырех экранов на пульте светилось два, панель управления была аккуратно закрыта пластиковой крышкой.

– Слушаю.

– Товарищ полковник, это Мержев говорит. У нас ЧП. Бирка номер шесть-восемь очнулся.

– Что значит очнулся? Им еще полтора часа лежать.

– Нох меэр, бирка шесть-восемь поднялся, развязался и стучит в дверь.

– Что значит развязался? Ворум материал вообще связан?

– Он еще в машине ворочался. И ему стянули сзади руки.

– Очень интересно. И как ты это объясняешь?

– Не могу знать. Здоровые все, скалолазы. Очухался раньше.

– Скалолазы... Препарат недоработан, а не скалолазы. Хреново смесь составляешь, лейтенант.

– Виноват. Я предупреждал насчет осадков, это Скворцова настояла. Когда мы их брали, снег пошел, а расчет вели на температуру плюс четыре – плюс пятнадцать. При замерзании смесь сильно ухудшается.

– А что рук вы до сих пор вязать не научились, здесь кто виноват? Тоже Скворцова? Или Галкина? Детский лепет, лейтенант. Фабел. Очнулся, развязался. Хорошо, что не ушел.

– Виноват, товарищ полковник.

– Ладно. Всех взяли?

– Так точно, всех. Восемнадцать человек, строго по списку.

– Покойников, надеюсь, нет?

– Один в реанимации. Пытался топором махать, ну и... Помрет, наверно. А так все в лучшем виде. Тепленькие, и бычки и телки.

– Ты с телками пока повремени, лейтенант. Ты уже один раз провел исследование.

– Так точно, повременю. С кого серию начнем?

– Все равно. Начни с того, что очнулся.

– Слушаюсь.

– Отставить. Он, видимо, из всех самый крепкий. Пустишь его на эксперименты бис. Начни с первой бирки.

* * *

Женька цокал о металлическую дверь пуговицей, костяшками пальцев по заклепкам много не настучишь. Продолжалось это недолго; шагов за дверью он не слышал. Она просто отворилась, и за ней появились два мордастых санитара. Почему-то сразу было ясно, что это санитары и что дружеская улыбка, которую старательно готовил Женька, здесь абсолютно не поможет. Голова одного из них была начисто выбрита.

– Ребята, что у вас тут за дела... – у самого лица Женьки мелькнула рука с баллончиком, он автоматически перехватил запястье и крутнул болевой. Дальше все шло как в замедленной киносъемке. Уклонившись от удара в подбородок, Женька провел короткий прямой в переносицу, пропустил косой в печень, но боли не почувствовал, не успел, левая его рука, всю жизнь бывшая сильнее правой, уже въехала второму в солнечное сплетение и дальше – сцепленными в замок руками по хребту... Ноги мордастого подкосились, и он грянулся оземь. Что-то выпало у него из носа и покатилося в угол.

Прямо на него по коридору бежало еще трое, а первый санитар уже начинал подниматься. Женька вытащил баллончик из его почти бессильной еще руки. Нервно-паралитический? Сука. Ладно, проверим. Он пшикнул в бритый загривок и, не имея уже времени смотреть, развернулся к набегающей тройке.

Газ не действовал. Санитары не отключались. Понадеявшись на баллончик, Женька пропустил два лишних удара и потерял нить боя. Он неплохо уклонялся, кого-то сшиб, провел подсечку, кому-то въехал за ухо, но всех уже не контролировал. Через несколько секунд его сбили с ног и, когда он извернулся встать, прыснули газом в лицо.

Все исчезло.

* * *

Пастух скалолазов не испугался. Когда Женька и Гера подошли к небольшой отаре овец, он сидел, нахохлившись, прикрыв глаза, чем-то напоминая старую больную птицу. Если только возможно представить себе птицу, сидящую, скрестив ноги.

Вежливый Гера поздоровался первым. Пастух кивнул, но разговора не получилось. Он почти не отвечал. Никто из ребят не говорил по-казахски – десяток простейших слов, а русского пастух не понимал, или не хотел понимать. Отвечал он вообще неохотно, сдержанно, все время кивал и соглашался. Но ничего конкретного выудить из него не удалось. Из поселка он якобы ушел еще на прошлой неделе и солдат не видел. Стрельбы не слышал, нет, никогда стрельбы не слышал. Никакой. И два дня назад не слышал, да, слышал, как стреляли, но стрельбы не слышал. Он думал, что это охотники. «Пух-пух. Охотник». Часто ли здесь охотники кидают гранаты, он не знает, потому что гранат он не слышал так же, как и стрельбы. А вот солдаты здесь давно, всегда были. Но он их не видел, никогда не видел, вообще не встречал. Потому что они здесь очень давно. Они хлеб привозят, и уголь. Они овец забирают, по одной. Здесь пастух несколько оживился – видимо, этот пункт отношений с армией ему не нравился, но уже через несколько секунд глаза его снова потухли и голос обесцветился – как выйти к железной дороге, он не знает, и где железная дорога, он не знает, и что такое железная дорога, он не знает. Крутолет надо лететь, крутолет. Вертолет, что ли? Что такое вертолет, он тоже не знает. А зовут его Расул. Это он знает. В этом месте пастух скорбно покачал головой, давая ребятам понять, что они не умеют разговаривать со старшими. Вежливый Гера поправил автомат и попросил хлеба. Глаза пастуха испуганно и злобно блеснули, и он

сообщил, что не понимает, хотя не понять слова «нон» было невозможно. Тогда Гера наклонился к нему очень низко и прошипел по-русски:

– Дедушка, или вы сейчас же найдете нам покушать, или вы у меня очень быстро хлеб найдете.

Женька несколько оторопел от такой альтернативы. Фраза была сформулирована так, что разобраться в ней и русскому было бы тяжело, но что-то в интонации маленького злобного Геры, который до сих пор сильно хромал, видимо прояснило ситуацию. Старик закивал, засуетился, и принес из кустов вещевой мешок.

Им досталось три черствых лепешки, сушеное мясо, сухой соленый творог – курт и две пачки зеленого чая. На прощание Гера взял полотняный мешочек с солью, спички и двух овец. Старик дернулся было вослед, но потом передумал, и только прошептал что-то себе под нос. На его коричневом, круглом, сморщенном от старости лице появилось жалкое выражение. Обесцвеченные временем глаза часто заморгали. Женька, понимая, как нужны им эти несчастные овцы, в какой-то момент едва не передумал, столько безысходности было в каждом движении старика. Тот сам отделил овец от отары да еще и дал веревку. Затем снова нахохлился и сел на прежнее место у костра, всем своим видом выражая покорность.

Женька, однако, перед уходом взял у пастуха ружье и разрядил. Все патроны он сложил в тряпочку, которую завязал узлом. Узелок этот, размахнувшись, зашвырнул подальше.

Забирать ружье они не стали.